

18+

ЭХО СКАЗАНИЙ

МАРАТ ТУТАЕВ

Марат Тутаев

Эхо Сказаний. Осколки Адэра

«Издательские решения»

Тутаев М.

Эхо Сказаний. Осколки Адэра / М. Тутаев — «Издательские решения»,

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Эпоха Нартов близится к закату. Древние звенья истончаются. Студентка Агата становится свидетельницей жутких убийств. Она узнаёт, что мир на пороге войны: Агата — Сушья, носительница Искры древних богов. Клятвопреступники жаждут вернуть власть над человечеством, а Престол Нартов любой ценой сохраняет баланс. Оказавшись меж двух огней, Агате и горстке подростков предстоит принять удар на себя.

© Тутаев М.

© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
ГЛАВА 1	8
День сурка	9
ГЛАВА 2	13
Лев и ягненок	14
ГЛАВА 3	17
Эпоха сказаний	18
ГЛАВА 4	21
Падение престола	21
ГЛАВА 5	25
Ложь во благо	26
ГЛАВА 6	31
Заветы Адэра	32
ГЛАВА 7	34
Свидетели и Сказочники	35
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Эхо Сказаний Осколки Адэра

Марат Тутаев

© Марат Тутаев, 2026

ISBN 978-5-0070-4867-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Осколки Адэра. Книга 1: Эхо Сказаний

Скорина Екатерина Олеговна — художник иллюстратор

Соловова Агата Вячеславовна — художник обложки

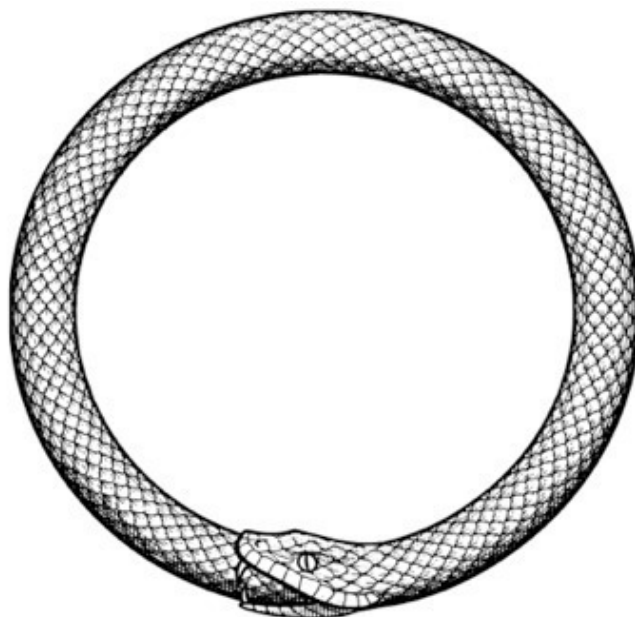
Земцова Злата Алексеевна и Барсукова Ирина Сергеевна — художественное оформление книги

Аннотация

Она думала, что худшее в её жизни уже случилось — арест отца, переезд, новый университет. Но худшее только начиналось. В горах Кавказа, где древние боги ещё не забыли свои имена, просыпается то, что люди веками называли сказками. Агата ещё не знает, что внутри неё горит Искра — и что за этой Искрой уже пришли.

© Марат Тутаев, 2026

ПРЕДИСЛОВИЕ

В начале не было слова. В начале был гул небесного горна. Семь звеньев сковал Тлепш, соединив ледяные вершины богов с раскаленным чревом преисподней. Так родилась эпоха Нартов — время людей из стали и огня. Но сталь устает. Звенья истончаются. Мы выбрали путь молнии — краткий миг ослепительного света, за которым следует вечная тьма забвения. И когда последнее звено оборвется, когда Источник вскипит в крови непосвященных, древний миф вернется, чтобы снова стать плотью...

Я расскажу вам одну историю.

Помните, как в детстве старшие читали нам сказки? Про рыцарей в сияющих доспехах, про коварных колдунов, про чудищ, скрывающихся в тени, и ведьм, чей смех доносился из самой чащи леса. Нам рассказывали, как Прометей украл огонь у богов и принес его первым людям. Или — если вы, как и я, росли на легендах кавказских гор — это был герой Сосруко, который обманом выкрал пылающий уголь у великана Иныжа. Помните, как подрагивали коленки от историй о Бабе-яге, что крадет непослушных детей, уносит в избушку на курьих ножках и... ну, вы знаете.

Заметьте, взрослые всегда вспоминали об этом в моменты нашего непослушания. Страх был лучшим инструментом воспитания.

Мы выросли. Сказки превратились в небылицы, а ведьмы и великаны — в пыльные экспонаты фольклора. Истории про иллюминатов, инквизицию, массовые сожжения или рептилоидов стали просто «прикормкой» для любителей теорий заговора на Ютубе.

Все слышали о Второй мировой. Любая война — это ужас, но та была пропитана еще и чем-то древним, забытым людьми. У немцев была целая организация — «Аненербе», они искали Чашу Грааля, искали вход в таинственную Шамбалу. Они прочесывали Тибет, Гималаи и наши кавказские ущелья. Говорят, они что-то нашли.

Теории заговора — это удобно. В них можно не верить. Но что, если я расскажу вам то, о чем мне запрещено даже заикаться? Что, если я приоткрою завесу над тем, что на самом деле обнаружили тогда в горах?

Вы узнаете, откуда на самом деле взялись истории про огонь богов, кем были Прометей и Сосруко и что за «Источник» скрывается внутри каждого из них. Вы поймете, какую цену

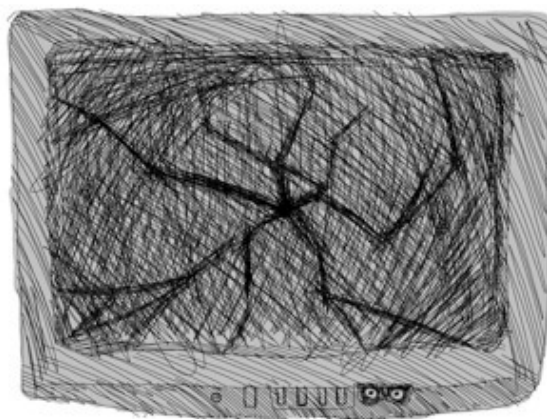
приходится платить за обладание Чашей Грааля и существует ли Шамбала по ту сторону материального мира.

Я лишь наблюдатель. Моя история — это только осколок событий, которые навсегда изменили мир Сущих и наш с вами мир. Верить мне или нет — этот выбор я оставляю вам. Но помните: иногда сказки — это единственный способ подготовить нас к правде, которая иногда ужасает.

ХРОНОГРАФ ТРЕТЬЕЙ ЭПОХИ. ГЛАВА 1, СТРОКА 1

«Сводный текст Наблюдателя М. Относится к исходу Второй Эпохи. Ранее рукопись содержалась в закрытом книгохранилище Совета Эвергетов в цитадели Вашхокалы под запретом к копированию и чтению. Извлечена из архива после разрушения Башни в лето 1-е Третьей Эпохи. Внесена в общий летописный свод без изъятий по решению собора Ветвей для повсеместного извещения Сущих и Людей».

ГЛАВА 1

День сурка

Обычное утро, каких тысячи, если не считать того, что жизнь Агаты к тому моменту уже превратилась в руины.

В ванной зеркало отражало уставшее лицо — темные круги под глазами, спутанные волосы. Она умылась, кое-как причесалась и вышла на кухню.

Мать, Зарина, уже суетилась у стола, перерывая горы бумаг.

— Ты не видела листок с паролем? Вчера выдали, а сегодня — всё, испарился.

— Нет, мам.

Агата села за стол. На плите стояла овсянка, но аппетита не было. В углу работал телевизор — там снова крутили новости об аресте отца. Каша остывала.

— Ты не переживай так из-за института, — мать наконец оставила поиски. — Говорят, он лучший в районе.

— Всё нормально.

— Лето скоро, отдохнешь, новые друзья появятся...

Агата мысленно усмехнулась. Новые знакомства интересовали её меньше всего.

— Ладно, мне пора. Удачи! — мать чмокнула её в щеку и выбежала.

— И тебе.

Агата осталась одна. Впереди был очередной день в привычном, замкнутом круге.

Университетский двор оглушил её шумом. После домашней тишины это казалось пыткой. Агата шла в потоке студентов, стараясь держаться незаметно, и крутила головой, пытаясь сориентироваться.

Справа у парапета собралась компания девушек. Блондинка с коротким каре, серьезная и непроницаемая, молча слушала. Её звали Ева — Агата запомнила это имя. Напротив активно жестикулировала Бэлла, тяжелые серыги раскачивались в такт словам. Остальные — Анжела и Алина — только кивали.

С другой стороны двора раздался резкий, неестественно громкий возглас. Агата вздрогнула. К входу неслась девчонка с безумной прической, размахивая руками и едва не подпрыгивая. Ясмин. Рядом с ней плелся парень — Майк, который, судя по лицу, мечтал провалиться сквозь землю.

Агата отвернулась и пошла к главному корпусу. Ей нужно было найти аудиторию.

Внутри оказалось хуже. Никаких бумажных объявлений — только таблички с QR-кодами и стенды с электронным расписанием, которое она не умела читать. Телефон тупил, приложение не открывалось.

Агата огляделась. Мимо пробежали студенты, никому до неё не было дела.

Она заставила себя выдохнуть и шагнуть к первому встречному.

— Извините...

Но тот даже не замедлился.

Второй, третий — то же самое. Агата стиснула зубы. Она не была новенькой, которая ждёт, пока её спасут. Она справится сама. Просто нужно найти того, кто похож на старшекурсника.

Она заметила парня, стоящего у стены с папкой в руках. Он не спешил, не смотрел в телефон — просто ждал кого-то или чего-то. Степа, как она потом узнала.

— Простите, вы не подскажете, где тут аудитория у историков? — Агата подошла и постаралась, чтобы голос звучал уверенно.

Парень поднял на неё спокойный, усталый взгляд.

— Новенькая?

— Да.

— Фамилия, направление, — он уже доставал телефон.

— Астахова Агата, история искусств.

Он быстро набрал что-то, сверился с экраном.

— Третий этаж, крыло Б. Иди по коридору до конца, потом направо. Второй кабинет с левой стороны.

— Спасибо... А вы?

— Степа. Председатель студсовета. — Он уже смотрел мимо неё, кого-то высматривая. — Завтра выезд первокурсников в горы. Не опаздывай на автобус, все регистрационные данные там же, в приложении. Если разберёшься.

И отошёл к группе парней, перекинулся с ними парой фраз.

Агата осталась стоять с открытым ртом. Никакой улыбки, никакого «я провожу, не переживай». Просто сухая инструкция. Странно, но на душе стало легче. Она сама спросила, сама получила ответ. Никто не тащил её за руку.

Она пошла по коридору.

Аудиторию нашла без приключений. Зашла под взглядами десятка пар глаз. Группа уже была в сборе, преподавателя не было. Агата выбрала место на первой парте — не потому, что хотела выделиться, а потому, что так лучше видно доску. Плевать, что подумают.

Через минуту дверь с грохотом распахнулась. Ввалился мужчина с мешками под глазами и кружкой кофе в руке. Пятнистый пиджак, мятый вид — классика.

— День добрый! — Он швырнул журнал на стол. — Садитесь быстрее, сессия на следующей неделе!

Его называли Философом. Имена преподавателей здесь вообще не учили.

— Ого, вижу новое лицо! — он впился взглядом в Агату. — Решили под конец семестра заглянуть на огонёк? Ну давайте, начинаем с вас. Распишите основные положения учения о Сансаре.

В аудитории повисла тишина. Кто-то злорадно усмехнулся.

Агата встала. Руки чуть дрожали, но она заставила себя подойти к доске. Писала мелом, стирала, снова писала. Термины путались — философия не была её коньком.

— А можно я помогу новенькой? — Ева подняла руку.

Философ кивнул. Блондинка вышла к доске, быстро набросала тезисы. Красиво, уверенно, с лёгким пренебрежением.

Но Агата заметила ошибку. Грубую. Она открыла рот, чтобы поправить, но Ева уже закончила писать.

— Так... — Философ прищурился. — Агата, кажется? Вы что-то хотели сказать?

Агата помедлила секунду. Потом выдохнула.

— Освобождение — это нирвана. А сансара — цикл перерождений. Она перепутала стадии.

— Верно! — Философ стукнул ладонью по столу. — А ты, Ева, сядь. Неоправданная самоуверенность до добра не доводит. Передайте вашей маме, что у нас тут не семейный подряд.

Ева замерла. На её лице застыла неестественная улыбка.

— Вовремя вы вспомнили о моей маме... — тихо сказала она и, проходя мимо стола, грохнула мелом об облезлую поверхность.

Агата чувствовала на себе взгляды. Она ещё не знала, что за правильные ответы иногда платят дороже, чем за ошибки.

На перерыве Ева сидела, нервно крутя ручку. Рядом суежилась Бэлла.

— Не парься, ему просто деньги нужны от твоей мамы, — бросила она.

Ева ничего не ответила. Резко встала, натянула улыбку и направилась к Агате.

— Привет. Не бери в голову то, что было. Это я просто так.

— А... да ладно, — Агата пожала плечами.

— Слушай, объясни мне тему? — Ева перешла почти на шёпот. — На ошибку этот мудак намекнул, а почему так надо отвечать — я не поняла.

— Хорошо. У тебя есть бумага?

Ева кинулась к своему столу, но когда вернулась, место рядом с Агатой уже занял Артур.

— О, и ты здесь! — голос Евы стал приторно-сладким.

— Ага, — даже не повернулся. — Ни за что не угадаешь моё имя!

— Артур, мне Агата должна тему объяснить...

— Господи, Ева. Всем понятно, что помощь тебе не нужна. Давай ты подойдёшь позже.

Улыбка сползла с лица Евы.

— Без проблем, — процедила она и ушла.

Агата закатала рукава. Она хотела оказаться где угодно, только не здесь.

— Ну так что, Агата? — Артур повернулся к ней.

— Какой сейчас предмет?

— Философия.

Вошёл преподаватель.

— Не слушай его, — шепнул Артур. — Он постоянно несёт хрень.

— Хорошо, я очень постараюсь, — Агата выдавила улыбку.

Следующий час она пыталась записывать лекцию, но Артур говорил без остановки. В какой-то момент она даже расслабилась и пару раз искренне улыбнулась. Он был навязчивым, но не злым.

Звонок прозвенел резко. Аудитория опустела за секунду. Агата собирала вещи, когда из динамиков раздался сухой голос:

— ВНИМАНИЕ, ВСЕМ ОБУЧАЮЩИМСЯ И СОТРУДНИКАМ НЕМЕДЛЕННО ЯВИТЬСЯ В АКТОВЫЙ ЗАЛ.

Коридор превратился в муравейник. Агату толкали, она пятилась, пытаясь не упасть. И наткнулась на кого-то спиной.

— Осторожнее, — раздался спокойный голос.

Степа.

— Извините, я...

— Новенькая... Идёшь в актовый? — спросил он без улыбки.

— Да, но я не знаю...

— Прямо по коридору, потом налево. Надеюсь, не потеряешься.

Кивнул и резко растворился в толпе.

Агата подняла бровь, выдохнула и пошла сама.

В зале было тесно. Почти все места заняты. Она пробралась в последний ряд и села на единственный свободный стул.

К кафедре вышла ректор — женщина в дорогом костюме, с безупречной причёской.

— Коллеги! Студенты! У меня важные новости. В университете пропали ценные документы. Полицию я пока не вызывала. Ведь надеюсь на вашу добропорядочность! У вас есть время до завтра, чтобы вернуть украденное.

Зал ахнул.

— Все остаются на местах до окончания проверки.

Агата огляделась. Рядом шептались.

— Дичь какая-то... Почему не полиция?

— Очевидно, кто-то из своих.

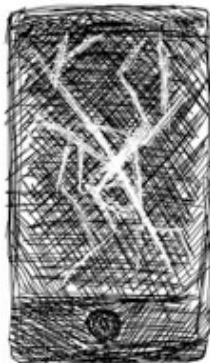
— Слышала, Еве стало плохо, её увезли.

— Ага, конечно. И как удобно.

Слова липли к Агате как грязь. Она закрыла глаза и обхватила голову руками. Всплыло лицо матери с её дурацким оптимизмом про хороший университет и новых друзей.

— Классно. Поздравляю с новым годом, Агата, — прошептала она.

ГЛАВА 2

Лев и ягненок

Пока ректор говорила, в административном корпусе царила тишина. Тень проскользнула в кабинет — быстрая, бесшумная. Воздух вокруг неё пошёл рябью, из пальцев посыпались искры. Она прощупывала пространство статическими разрядами, пока не наткнулась на книжный стеллаж. Электричество уходило в щели. Тень уперлась в полки. Дуб поддался с глухим скрежетом. За шкафом обнаружился узкий проход — настоящий архив за фальшивым фасадом. Но из коридора донеслись шаги. Пришлось возвращать всё на место и уходить ни с чем. В актовом зале напряжение достигло пика. Ректор снова вышла к микрофону, её дежурная улыбка превратилась в безжизненную маску. — Проверка завершена. Занятия отменяются. Можете идти домой. Зал взорвался гулом. Сотни людей хлынули к дверям. — А сотрудников я попрошу задержаться, — добавила ректор, и её тон стал ледяным. Агата шла в толпе, чувствуя себя чужой на этом празднике внезапной свободы. В холле, у лестницы, она заметила неподвижный островок — Ева и её свита. Ева выглядела неважно, но её бледность казалась фарфоровой маской. — Эй, они вышли, — шепнула Алина, толкнув Бэллу. Бэлла мазнула по Агате холодным взглядом. — Приготовились. Действуем как обычно. Когда Агата показалась в дверях, компания перекрыла ей путь. Бэлла шагнула вперёд с ленивой ухмылкой. — Вы только посмотрите, кто идёт. Наша умничка-отличница. Агата замерла, вцепившись в лямки рюкзака. — Чего молчишь? Мы с тобой разговариваем! — выкрикнула Анжела. — Да она сумасшедшая, — поддакнула Алина. Ева сделала слабую попытку вмешаться: — Девочки, отстаньте от Агаты...

Но Бэллу было не остановить. Она подошла почти вплотную. — Так ты, значит, Агата. Офигеть имя... А ты красивая. Но знаешь, что бывает с красивыми девочками? Они притягивают слишком много внимания. — А потом? — выдавила Агата. Страх смешивался с раздражением. — А потом я понимаю, что не люблю таких правильных девчонок. — Так ты про меня?! — Ну а про кого ещё? — Бэлла одарила её уничтожающим взглядом. — А кому она благоволит? — раздался резкий голос. — Кого у нас тут кислотой обливают?

Степа стоял, засунув руки в карманы. В его зелёных глазах не было улыбки. — Степа пришёл! — Ева мгновенно сменила тон на жалобный. — Помоги, никак не могу их успокоить. — Ты своих подруг успокоить не можешь? Ева, не смей. — Стёпа, мой хороший... — Ева натянула безупречную улыбку. — В обязанности председателя студсовета входит урегулирование конфликтов. Или ты решил злоупотребить полномочиями ради новенькой?

Степа промолчал. Бэлла краем глаза заметила проректора и резко схватила Агату за руку. — Не расслабляйся, милая! — прошипела она, продолжая фальшиво улыбаться. У Агаты внутри будто переключили тумблер. Пальцы сжались в кулак, в ушах зашумело, по венам хлынул жар. Вокруг запястья вспыхнули едва заметные белые нити. Пластиковая бутылка на столе в коворкинге взорвалась. Осколки разлетелись, тёмная пена залила стол и пол. Студенты с криками отпрянули. Бэлла быстро отпустила руку Агаты. В её глазах на секунду мелькнуло узнавание. — Думаю, сегодня не лучший день для ссор, — быстро проговорила она. — Расход. Расход, я сказала!

Компания Евы растворилась в толпе. Степа шагнул к Агате, но она, не глядя на него, развернулась и почти побежала к выходу. Ей нужно было понять — случайность или то, чего она боялась больше всего. Дом Евы напоминал музей. Высокие потолки, холодный мрамор, тишина. Ева сидела за огромным столом, ковыряя салат и печатая в телефоне. Напротив — Роза. — Когда ешь, телефон убирают, — голос Розы был спокоен, но в нём слышался лязг металла. — Хорошо, мам, одну секунду... — Я сказала: убери. Ева вздрогнула и отложила телефон. — Я слышана о твоей выходке на паре. — Я всего лишь ошиблась... — Ошибок быть не должно. Если бы я ошибалась, занимала бы я свою должность? — Нет, мама. — В

моей семье недочётов не бывает. Ты должна быть лучшей. — Роза подалась вперёд. — А с оценкой интересная ситуация. Почему, как только ты получила «неуд», документы исчезли? — Думаешь, я знаю? — Ева стиснула зубы. — Теперь мы будем съезжать на четвёрки? — Роза медленно встала, посмотрела на дочь сверху вниз и вышла. Вечером университет погрузился в сумерки. Тень вернулась. Учебная часть пустовала. Она отодвинула шкаф, открыла потайную дверь... и замерла. За проходом был тупик. Она вскинула руки, прощупывая проём рядами. Ни один не прошёл. Магия гасла на пороге — экранирование, древние руны. — Черт! — прошипела Тень и ударила кулаком по панели. Ректор оказалась хитрее. Это была ловушка. Пришлось уходить ни с чем. Утро встретило Агату серостью и головной болью. Телефон не включался — сдох окончательно, сожжённый вчерашним всплеском. — Блин! Поездка! — она отшвырнула бесполезный кусок пластика. В элитных районах утро выглядело иначе. Артур возвращался с пробежки, светясь уверенностью. Бэлла листала буклет про историю Университета. Ева воевала с матерью на крыльце особняка. — Конечно взяла! Да, та самая... — болтала она по телефону. Из дома вышла Роза. — И что ты тут стоишь? Водитель будет через полчаса. — Я сама доеду, мам. Все собираются на автобус... — Ты серьёзно думаешь, что я отпущу тебя в горы с толпой первокурсников? Всё решено. Едешь на машине с Исмаилом и Бэллой. Ева сбросила звонок. — Почему я не могу поехать со всеми? Ты специально меня изолируешь?

Роза не ответила. Она поставила кружку на перила — так небрежно, что кофе выплеснулся на белый мрамор. — Вспомни, кто твоя мать. А теперь — чья ты дочь. Статус, Ева. Запомни это слово. — Сдались мне эти регалии! — В дом, — спокойно произнесла Роза. Ева подняла сумку и зашла обратно. Роза осталась на крыльце, глядя в пасмурное небо. Утро во дворе университета напоминало потревоженный муравейник. Первокурсники сбились в кучу у автобусов. Кураторы с планшетами перекрикивали гвалт. — Так, готово! Первая группа, заходим! — скомандовала Мария. Агата зашла в салон последней. Свободных мест почти не осталось, она пошла к концу автобуса. — Эй, садись сюда, — раздался голос с последнего ряда. Та самая громкая девушка. Яркая, нелепая, с нашивками и наклейками на рюкзаке. — Спасибо. На соседнем сиденье примостился парень — её полная противоположность: тёмный свитер, наушники, взгляд человека, который не спал неделю. — Ты новенькая? — Девушка энергично встряхнула её руку. — Я Ясмин. История искусств? Представляю, в какой дурдом ты попала. — Застрелиться? — невольно улыбнулась Агата. — Ещё чего! В них стрелять! — Ясмин расхохоталась и бесцеремонно выдернула наушник у соседа. — Поздоровайся! — Привет, — моргнул парень. — Я Агата. — Майк. — Он внимательно посмотрел на неё. — И как тебе Ева? Говорят, она умеет создавать проблемы на ровном месте. — Да, пожалуй, — вспомнила Агата взрыв бутылки. Автобус тронулся. Мерно покачиваясь, автобус выезжал за город. Агату накрыло странное, липкое чувство дереализации. Арест отца, переезд, этот город, где всё повторяется. Несправедливость, с которой она не могла бороться. «Почему я вообще должна это терпеть?» — она упёрлась затылком в кресло. — Эй, ты в порядке? — голос Ясмин пробился сквозь пелену. — Да. Просто не выспалась. Автобус забирал круто вверх. В просветах между скалами виднелись заснеженные пики. Гостиничный холл встретил запахом мокрого дерева и хвои. Агата рухнула в кожаное кресло — голова раскалывалась. Кураторы раздавали ключи. В холл вошла Ева, сопровождаемая водителем с брендовыми сумками. Она опустилась в кресло напротив. Всё в ней было слишком идеальным для гор. — О, привет, Агата! Тебе не нужна помощь? — в голосе сквозило наигранное сочувствие. — Нет, всё в порядке. Куратор Лея протянула Еве ключ. — Бэлла селится с Анжелой. А вы, дамы, в 452-й. Вместе. — Стоп! — Ева издала нервный смешок. — Мы же обговаривали, что я буду жить с Бэллой. — Вы приехали последними, — отрезала Мария. — Агате нужна компания. Будь дружелюбнее. — Я хочу жить со своей подругой! А не с ней?!

Ева ткнула пальцем в сторону Агаты. В тот же момент стеклянный графин на столике дернулся, медленно проехал к краю и перевернулся. Ледяная вода вылилась на брюки Евы.

— Ты это сделала?! — взвизгнула она. Агата сама опешила. Кураторы переглянулись — в их взглядах было не удивление, а тревожное узнавание. — Возьмите ключ и идите, — холодно сказала Лея. — Иначе мы обсудим твоё поведение с матерью. Фраза про мать подействовала мгновенно. Ева выхватила ключи и, чеканя шаг, направилась к лестнице. Агата пошла следом. После суматохи общий чат взорвался: «Всем выйти во двор». У входа стоял Степа с папками. Из дверей вылетела Ясмин, раскинув руки. — Так, внимание! — крикнула Мария. — Экскурсия по территории, дойдём до заповедника. Идём плотно, не теряемся. — Да, Машка! — заорали первокурсники. Степа начал перекличку. Агата сидела на ступенях, когда реальность дрогнула. «Агата...» — шепот коснулся уха. Голосов становилось всё больше, они сливались в единый зов из леса. — Тяжело менять город, когда там остались все друзья?

Рядом бесшумно возник Артур. — А? Да, есть такое, — она растерянно поправила волосы. — С чего прыжок из столицы? — Семейная драма, — отрезала она. — Прости, если задел. — Всё окей, — Агата отодвинулась. — Агата Астахова? — выкрикнул Степа. — Я здесь! — она встала. — Выдвигаемся!

Дорога петляла между соснами. Степа рассказывал легенды. — Слышали про Алмасты? Если вырвешь у него волос — будет служить. Но найдёт — хозяину конец. Подростки притихли. — Расскажи ещё, — попросил Майк. — В сороковых сюда приезжали из «Аненербе». Говорят, нашли разлом. Может, прямо сейчас в горах открыта дверь во Тьму. Группа двинулась дальше. Майку стало не по себе. Воздух сделался густым, в ушах зазвенело. Он взглянул на руки — кончики пальцев чернели. Когда последние студенты скрылись за поворотом, звон прекратился. Чернота исчезла, оставив липкий пот на лбу. За байками Степы — коллективная анестезия. Людям проще верить в лесного черта, чем признать: Алмасты — сторожевые псы реальности. Их задача — следить за границей миров. Но есть версия страшнее. Что, если эти псы — ищейки Клятвопреступников? Им нужен след Всесущего. Пока первокурсники шагали к заповеднику, охота началась. Дунейр шэрхъщи, мэклэрахъуэ¹.

---

¹ «Мир колесо, поэтому оно крутится». В контексте «Осколков Адэра» эта черкесская мудрость лишается своего бытового оптимизма. Это не просто напоминание о том, что «все проходит». Это констатация фатализма: всё в этом мире возвращается на круги своя. Кровь, пролитая 18 лет назад в зале Совета, не впиталась в землю бесследно — колесо сделало оборот, и события прошлого снова нависли над настоящим. Тот, кто был жертвой, может стать судьей, а охотники и дичь просто меняются местами, пока «колесо» продолжает свой бесконечный и безжалостный бег.

ГЛАВА 3

Эпоха сказаний

Современное общество привыкло верить, что предки возводили мегалиты и дольмены исключительно от избытка свободного времени. Историческая наука превратилась в тщательно отредактированный черновик, из которого вычеркнули всё, что не вписывается в линейную парадигму «от каменного топора к цифровым технологиям».

Однако существует знание, заложенное в архаичных инстинктах — в том необъяснимом трепете, который охватывает человека при взгляде на грозовой фронт, надвигающийся с гор. Это не страх перед стихией, а атавистическая память о временах, когда силы природы обладали именами, лицами и физическим воплощением.

Сосруко, Сатаней, Бадыноко, Ашамез, Насрен-Жаче — те, кого человечество впоследствии приравнило к богам, были не вымыслом, а вполне реальными людьми Эпохи Сказаний. Они не правили с небес — они ходили по земле, сражались, любили, умирали. Именно они, наряду с другими хранителями древних знаний, положили начало цивилизации Сущих. Они создавали артефакты, ковали реальность плетениями стихий и остались в памяти потомков лишь как персонажи сказок.

Адэр стоял отдельно — не бог и не герой в привычном понимании, а нечто большее. Прародитель, чья кровь до сих пор текла в жилах тех, кто умел касаться вселенской энергии.

Но величие Первой Эпохи оказалось хрупким. После ухода этих людей их заветы были забыты, знания утрачены, артефакты утеряны или разрушены. Великие времена закончились. И сейчас, в 7534 году от сотворения мира — время, которое люди называют 2026 годом, — отголоски тех событий всё ещё звучат, а мир собирает осколки того, что когда-то было целым.

В Эпоху Сказаний вселенная не была конгломератом случайных элементов. Пространство оставалось живым, текучим и насквозь пронизанным кровью прародителя Адэра. Обычный человек мог лишь смутно улавливать его вибрации, но Сущие — прямые потомки Адэра — взаимодействовали с материей напрямую.

Это не было магией в современном понимании. Речь шла о физиологии высшего порядка: взаимообмен энергией между Источником и клетками организма происходил так же естественно, как дыхание. Каждое волевое усилие меняло локальную реальность.

В первые три тысячи лет от сотворения мира доступ к стихиям не был ограничен. Сущий мог черпать силу в том виде, в каком позволяли его воображение и плотность Источника. Но со временем хаос структурировался, породив кастовый диктат семи Великих Ветвей, разделенных по свойствам крови: Огонь, Вода, Земля, Воздух, Свет, Разум и Всесущие.

Ветвь Всесущих являлась правящей династией, занимавшей Престол Нартов. В их жилах текла чистейшая кровь, наиболее близкая к первопредкам. Чистота крови возвелась в абсолютный закон; союзы между разными Домами сурово карались.

Каждый ребенок с малых лет становился заложником своей крови. Рожденный в Доме Огня обучался боевым плетениям пламени. Ему позволялось касаться иных энергий лишь на базовом уровне — например, использовать каплю Всесущей энергии, чтобы набросить блокирующую «Сеть» на Источник врага или провести обряд Оскопления.

Остальные касты подчинялись той же специализации. Дом Земли поставлял ученых, алхимиков и целителей. Дома Воды и Воздуха формировали костяк армии: мастера Воды могли иссушить тело противника, воины Воздуха сжимали потоки в невидимые лезвия. Дом Света оставался наиболее политизированным — из его рядов выходили наместники и дипломаты.

Самой трагичной была судьба Дома Разума. Их магия — тихая, лишённая внешних эффектов — считалась признаком слабости. Их подвергали гонениям, оставляя лишь роли шпионов и живых детекторов лжи.

Лишь спустя четыре тысячи лет этот порядок рухнул. Гражданская война стерла Дом Всесущих. Престол Нартов перестал быть наследственной прерогативой, превратившись в выборную должность.

Эпоха Сказаний сохранила свое название не только из-за войн Суших. В те времена земля была населена созданиями, чье существование ныне кажется мифом. Но история циклична — и то, что мы сегодня считаем технологией, возможно, лишь бледная тень того, что уже существовало.

В поднебесье царили Пако — исполинские орлы, чьи гнезда располагались на неприступных скалах. Нартский эпос помнит их как мудрых хранителей равновесия. Пако обладали способностью видеть истинную суть живого существа, игнорируя сословные знаки. Само присутствие Пако в небе над долиной означало неприкосновенный мир.

Интересно, что описания Пако — их стальные перья, способность парить без движения крыльев, «глаза, видящие сквозь любые преграды» — уж больно напоминают современные беспилотные летательные аппараты. Еще одна деталь, заставляющая задуматься: не были ли эти «орлы» творением рук, а не природы?

Полной противоположностью им являлись Испы. Человеческие легенды низвели их до карликов, но Испы представляли собой могущественную цивилизацию. Их культура строилась на утерянных технологиях первых веков творения. Испы жили в «спыун» — монолитных дольменах, подогнанных с точностью, недоступной даже современным станкам.

Пока Сущие зависели от своих Источников, Испы создавали механизмы, работавшие на резонансе звука и скрытых свойствах металлов. Их силу нельзя было заблокировать. В спорах Испы оказывались на шаг впереди, превращая дипломатию в интеллектуальную ловушку. Они презирали открытую войну, считая её уделом примитивных умов.

В нартском эпосе сохранились упоминания о «говорящих камнях» и «мыслящих механизмах» — не завуалированное ли это описание искусственного интеллекта? Еще одно доказательство того, что Первая Эпоха владела знаниями, которые люди только начинают постигать.

Наряду с ними мир населяли Иныжи — свирепые великаны с огромной физической силой и прямолинейным интеллектом. Они обитали в глухих лесах, совершая набеги на человеческие поселения. Но стоило над провинцией развернуться имперским штандартам, как Иныжи отступали: они быстро усвоили, что плетения Суших несут смерть.

Со временем империя приручила великанов. Они стали живым символом статуса при дворах знати. В военных походах ручной Иныж использовался как оружие авангарда, способное в одиночку прорвать оборонительные ряды.

На фоне этого величия внутри империи процветала системная жестокость. Страшнейшей карой оставалось Оскопление — обряд, навсегда отрезавший Сущего от космической энергии.

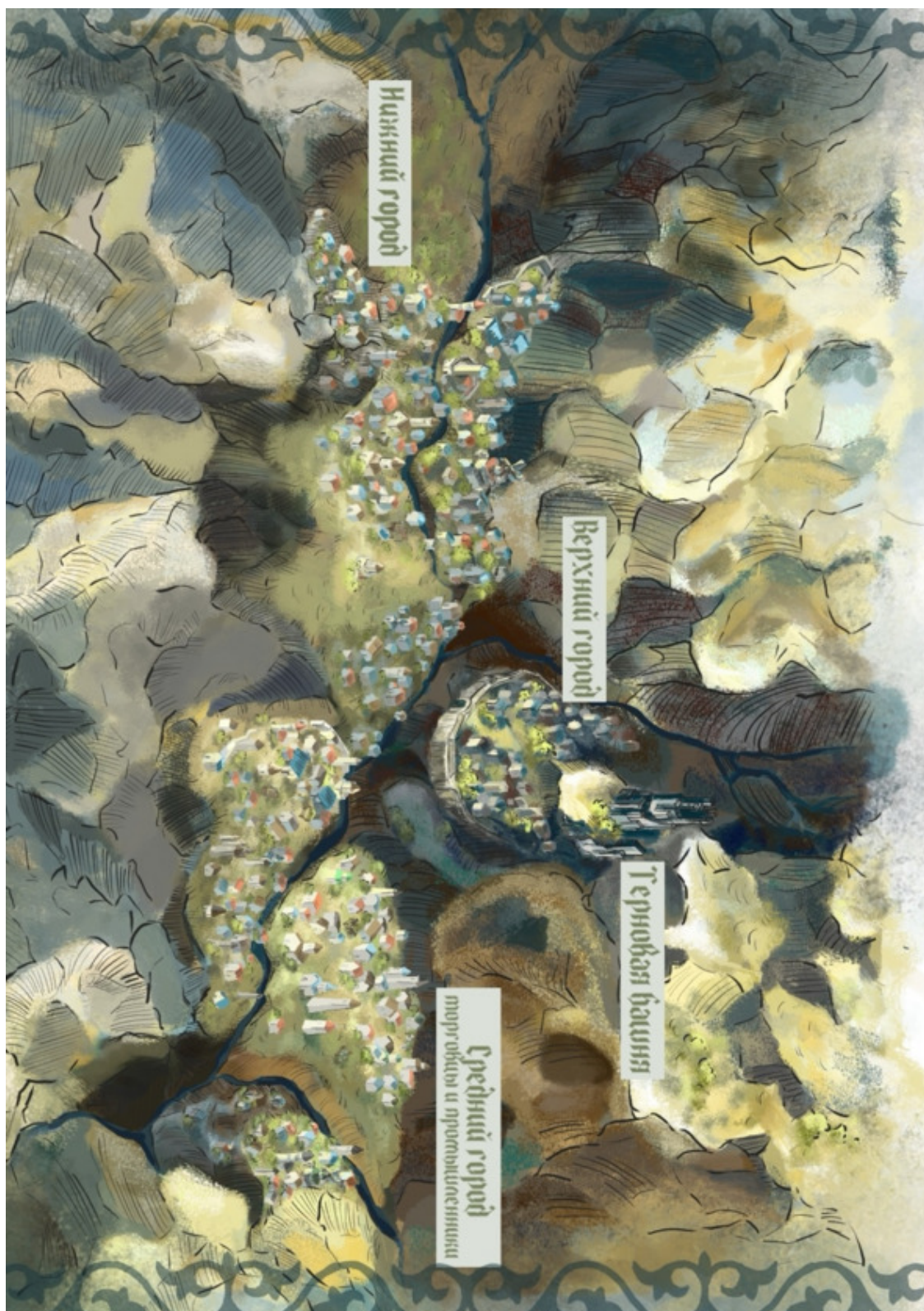
Чтобы осознать глубину этой трагедии, нужно понять природу восприятия Сущего. Для него связь со стихией была непрерывным экстазом, абсолютным слиянием с замыслом творения. Обряд вырывал эту связь с корнем. Мир становился плоским, серым, беззвучным. Лишенные Источника редко выдерживали больше года: они сходили с ума от внезапной тишины и кончали с собой.

В летописях зафиксирован лишь один случай применения Оскопления к высшему военному чину. Полководец Калекут Завоеватель, чьими усилиями границы империи расширились до пределов континента, поднял восстание против власти Всесущих. Когда мятеж захлебнулся в крови, Совет отказал ему в праве на достойную смерть. Калекута оскостили публично — на глазах у поработанных им народов. Великий диктатор в одно мгновение превратился в пустую оболочку.

За ослепительным блеском мифических существ и технологическим совершенством Испов всегда скрывалась расчетливая тьма тех, кто провозгласил себя богами Второго века. И

именно в этот мир, где первозданная красота уже была отравлена гордыней, предстояло вернуться утерянному следу прошлого.

История циклична. То, что мы считаем вершиной прогресса — искусственный интеллект, беспилотники, квантовые компьютеры — возможно, лишь отголоски технологий Первой Эпохи. Эпохи, когда магия и наука были неразделимы, а Сущие и люди обладали знаниями, которые мы только предстоим заново открыть.

ГЛАВА 4

Падение престола

То, что принято считать тишиной Кавказских гор, на самом деле было лишь отголоском великой катастрофы — Раскола, до которого в то туманное утро 7516-го года от сотворения мира оставались считанные часы.

В тот день горы просыпались неохотно. Туман лениво полз по ущельям, цепляясь за острые пики Вашхокалы, словно боялся сорваться в бездну. На одном из уступов, вросшая в скалу, как кость в плоть, высилась Терновая Башня. Древняя цитадель из серого камня была возведена в те времена, когда мир еще не знал разделения, а Сущие не скрывались от людей. На её стенах, высеченные резцами давно забытых мастеров, застыли родовые знаки — тамги.

В Галерее Статуй, замершей в тени массивных колонн, царил трепет. Десятки исполинских фигур из цельного гранита увековечили великих представителей Сущих. Их лица были суровы и торжественны, а в позах читалась первобытная мощь. Утренний свет медленно скользил по монолитным лицам: атлет из древней Эллады, которого люди позже назовут мифическим героем; мудрец из Поднебесной; воины в черкесках, чьи кинжалы когда-то рассекали не плоть, а саму ткань реальности.

Когда солнце коснулось стен, золотые пылинки в воздухе стали похожи на искры энергии. Но воздух оставался тяжелым. Он пах не утренней росой, а озоном — предвестником грозы, которая собиралась не в небе, а за гигантскими дверями Зала Совета. Перед входом толпились сотни. Эвергеты. Древний корень, проросший еще в Первую Эпоху и превратившийся в Великий орден Сущих. Это было самое массовое собрание, которое видели за последние десятилетия. Здесь было много незнакомых лиц: весь мир Сущих — глобальная, скрытая от глаз обывателя сеть — сегодня сошелся в одной точке.

Мужчины в алых черкесках с вышивками в виде языков пламени из Ветви Огня стояли подчеркнуто обособленно. От них исходил жар, который можно было почувствовать кожей — в Башне это явление часто называли скрытой агрессией, неизбежной при их роде деятельности. Рядом с ними держались женщины в синем, чьи рукава струились, точно горные ручьи. Девушка с длинными косами в зеленом одеянии поправляла живые цветы, вплетенные в ткань: они не вяли, непрерывно подпитываемые силой её Источника.

Поражал масштаб. Китайская делегация в расшитых ханьфу обменивалась короткими фразами с представителями Африки, чьи ритуальные одеяния казались живыми полотнами. Арабы, европейцы, послы из Центральной Азии — все они были здесь в ожидании.

Резкий, оглушительный удар металла о мрамор прервал шепот, прокатившись по углам башни тяжелой вибрацией. Двери распахнулись. На пороге стояла Диана Эвергет, Советница. Молодая женщина выглядела не старше двадцати пяти лет, но в её взгляде читался опыт тех, кому уже далеко за пятьдесят. Её уши были унизаны украшениями: правое обвивали две сплетенные змеи, кусающие друг друга за хвосты, левое украшала серебряная черкесская сабля, пронзавшая мочку. В руках она держала массивный скипетр из неизвестного, непривычного на вид металлического сплава. Диана Эвергет сделала шаг. Очередной удар скипетра о мрамор заставил замолкнуть даже самых строптивых.

— Престол Нартов приглашает Восседающих и международную делегацию в зал Совета Сущих, — провозгласила она. Мощный, приказной голос Советницы заставил толпу синхронно двинуться с места.

Зал Совета был чудом инженерной мысли и древней магии. Огромный амфитеатр, где каждый трон был высечен из камня той стихии, которую представляла определенная Ветвь.

Восседающие занимали свои места: голубой шелк Ветви Воды, зелень Природы, багрянец Огня, серый туман Воздуха, холодный фиолет Разума.

Там находилась и Женщина в желтом. Её лицо оставалось в тени широкого воротника, но прямая, как натянутая струна, спина и изящество, с которым она опустилась на сиденье, выдавали абсолютную уверенность в своем праве на этот зал.

Над всеми доминировал Трон Престола Нартов — более высокий и массивный, вырезанный из почти белого, сияющего камня со вставками из метеоритного железа.

— Внимание всем. Прошу встать и преклониться, — голос Советницы поднял сотни людей в едином порыве. — Да явится она — Защитница Людей. Хранительница Врат. Носительница воли Адэра. Престол Нартов!

В зал вошла Марта. Тяжелое белое платье шуршало по камню. По подолу тянулись символы: огонь, вода, земля, воздух, свет, разум... и в самом центре — серо-белая звезда, знак Всесущего. На её голове покоилась корона из белых лилий, которые выглядели слегка увядшими. Марта шла медленно, не глядя на склоненные головы.

Когда она заняла трон и разрешающим жестом подняла ладонь, зал облегченно выдохнул, и присутствующие расселись по местам.

— Я собрала вас здесь, — начала Марта, и её голос мгновенно заполнил пространство, — для обсуждения новости, которая изменит всё. Человек из Крови Всесущих вновь объявился.

Зал взорвался гулом. Всесущие. Те, кто, согласно легендам, не просто используют Источник, а сами являются её частью — те, чья сила, в отличие от остальных, не имеет лимита.

— Мы не знаем его имени и его лица, — продолжала Престол, и её взгляд стал еще жестче. — Но его появление уже повлекло за собой действия против Клятвы. И эти люди сейчас находятся среди нас.

Клятва. Это слово повисло в воздухе, как гильотина. Стальной обет ордена Эвергетов, скованный в огне Первой Эпохи, когда мир еще содрогался от поступи Адэра. Семь звеньев, семь обетов, закаленных в пламени: Единство, Созидание, Порог, Лик, Защита, Равновесие и Искушение. Договор был прост и беспощаден: «Сущий не возвысится над слабым. Сущий не осквернит Источник брата своего. Сущий не преступит Порог бездны». Нарушить Клятву значило не просто совершить преступление. Это означало разорвать связь с небом и стать Клятвопреступником — тварью вне закона, чье имя навсегда выжигалось из летописей, а жизнь более не стоила и капли пролитой крови. Но сталь устает, и звенья истончаются.

Тишину разорвал другой голос — спокойный, почти скупающий, но пропитанный ядом.

— Всё это ложь.

Женщина в желтом медленно поднялась со своего места. Плечи Советницы Дианы моментально напряглись.

— Ты просто ищешь повод укрепить свою власть, Марта, — продолжила Восседающая от Ветви Света, обращаясь уже ко всему залу. — Разве вы не видите? Ограничения в передвижении, запрет на передачу информации... Это не защита Совета от Отрекшихся. Это попытка установить полный контроль над нашей Ветвью. Нас хотят превратить в послушных рабов Престола.

По рядам покатился одобрителный гул. Поднялся представитель немецкой стороны, за ним — делегат из Китая. Недовольство росло, стремительно превращаясь в рев толпы.

— Лишать Ветвь автономности, признанной веками — это путь тирана, — Женщина в желтом вышла на середину зала, остановившись прямо у подножия белого Трона.

Марта приподняла голову, и в её глазах блеснул холодный огонь.

— Решение принято ради безопасности. Ради улаживания ситуации с Клятвопреступниками. Нам необходимо пойти на это ради общего блага.

— В таком случае, — Восседающая в желтом выпрямилась, — я и моя Ветвь более не подчиняемся Престолу.

Она резко развернулась к амфитеатру, ожидая, что за ней встанут остальные. Но зал замер. Страх перед Престолом всё ещё перевешивал гнев.

В этот момент среди советников выделялась одна фигура. Мужчина стоял, набросив на голову глубокий капюшон. Лицо оставалось скрыто во тьме, а из-под длинных рукавов виднелись почерневшие пальцы — явный след регулярного обращения к Книге Проклятых. От него веяло абсолютным, пугающим спокойствием. Он не участвовал в общем споре. Он просто ждал развязки.

— Настоящая угроза — это ты, — сухо произнесла Марта.

Советница Престола среагировала мгновенно. Диана с силой ударила посохом о каменный пол. Пространство вокруг нее исказилось, воздух пошел тяжелыми оптическими волнами, преломляя свет, и невидимые для обычного глаза пути белой энергии за долю секунды настигли Женщину в желтом, намертво блокируя её Источник.

Зал синхронно ахнул. Силовой арест Восседающей прямо во время заседания Совета нарушал все вековые протоколы.

— Ты обвиняешься в заговоре и связи с Клятвопреступниками, — голос Марты загремел под высокими сводами башни. — Ты будешь низложена и лишена сил. Тебя ждет Иссечение — мы вырвем Источник из твоей груди. Назови имена сообщников, и, возможно, Совет проявит милость.

Женщина в желтом усмехнулась. Это был жуткий, сухой звук человека, которому больше нечего терять.

— О какой милости ты говоришь? Ты просто до смерти боишься потерять Трон, Марта. Твои речи — это предсмертные конвульсии старого мира.

— Твои слова будут последними, что прозвучат в этих стенах, — отрезала Престол.

— Ты права, — Восседающая обвела амфитеатр торжествующим взглядом, в котором горело безумие. — Последними. Потому что никакого Совета больше не существует. Сейчас или никогда!

Мир сошел с ума в ту же секунду. Нерис, Восседающая от Ветви Воды, вскинула руки. Пространство вокруг нее пошло тяжелой рябью, воздух за секунду потерял всю влажность, став удушающе сухим. Стоявший у дверей солдат Белой Гвардии даже не успел обнажить клинок или дотянуться до своего Источника: вся влага из его тела за миг вырвалась наружу прозрачным, мгновенно вскипевшим облаком. Опустошенная, иссохшая мумия рухнула на камни. В тот же момент Альяра, Восседающая от Ветви Воздуха, резким взмахом кистей заставила пространство взорваться серией невидимых, преломляющих свет оптических граней. Спрессованный до состояния лезвий кислород перерубил Советника Ветви Природы пополам. Горячая кровь хлынула на древний мрамор.

Это была не просто драка — это был танец смерти. Нити энергии перекрещивались и сплетались в сложные узлы в воздухе, заставляя пространство идти яростными волнами и искажениями. Воздушные удары швыряли людей на монолитные колонны, вспышки жара пожирали гобелены, а крики тонули в грохоте рушащегося камня.

Ограничивающие пути вокруг Женщины в желтом лопнули, когда ударная волна отбросила Советницу Престола. Мятежная Восседающая вскинула руки к куполу башни. К её ладоням потянулись странные, белые сгустки энергии. В них не было привычной геометрии нитей Ветви Света или других стихий. Эти пульсирующие искажения казались намного древнее.

— Прародительница! Спаси наши души! — закричала она.

Огромная, закрученная центрифуга аномальной энергии сконцентрировалась вокруг нее. Восседающая резко опустила руки, и зал утонул в ослепительной вспышке. Первозданный свет мгновенно выжег сетчатку десяткам присутствующих.

Когда к выжившим вернулась способность видеть, зал Совета лежал в руинах. Отрекшиеся уже отступали, прорубая себе путь сквозь прибывающие отряды стражи. Женщина в жел-

том обернулась на пороге. Её последний взгляд на Марту стал безмолвным обещанием войны — войны, которая не закончится, пока эти горы не превратятся в равнину. Спустя мгновение мятежница исчезла в пороховом дыму.

Престол Нартов медленно поднялась среди обломков своего величия. Её корона из белых лилий была сломана и испачкана в серой пыли. Лидия, верная соратница Марты, подбежала к ней, на ходу отряхивая каменную крошку со своего одеяния.

— Лидия... — едва слышно произнесла Престол.

— Неужели это началось? — в голосе Лидии сквозил неприкрытый, первобытный ужас.

— Нам нужно найти Всесущего раньше, чем они, — Марта посмотрела на опустевший дверной проем, где только что стояла её главная соперница. — Иначе нам придется претворить в жизнь Последний План.

Разрушенный, залитый кровью зал Совета ясно давал понять: древние легенды были лишь бледной тенью того кошмара, который Сущие только что пробудили своими руками.

История Второго Раскола началась. И в ней не предвиделось победителей. Только выжившие.

ГЛАВА 5

Ложь во благо

Сумерки в предгорьях служили негласным приказом покинуть пастбища до темноты. Солнце стремительно опускалось за скалистые хребты, окрашивая склоны в багровый цвет. Пожилой пастух сверился с часами, сплюнул и пришпорил лошадь. Задача была проста: перегнать оставшиеся тридцать две головы скота в низину, пока лес не превратился в сплошную черную стену.

Кобыла рванула по каменистой тропе. Из-под подков вылетел серый обломок сланца, запрыгал вниз, перелетел через речной порог и внезапно исчез. Камень просто растворился в воздухе, словно в этой глухой части ущелья сама реальность дала сбой. Пастух этого не заметил.

— Тридцать один, тридцать два... — Он прищурился, оглядывая опустевший склон. — Куда еще одну понесло? Опять в чащу ушла.

Он направил лошадь к лесу, но та встала на дыбы. Животное хрипело, пятилось и наотрез отказывалось ступать под сень деревьев. В расширенных конских глазах застыл подлинный ужас. Пастуху пришлось спешиться и привязать поводья к стволу.

В чаще царила тяжелая сырость. Отпечатки копыт отчетливо читались в черноземе, но возле старого дерева они внезапно оборвались. Мужчина остановился, озадаченно потирая затылок. В этот момент на его ботинок упала теплая капля. Вторая — на плечо.

Он поднял голову. На толстых ветвях сосны покоились растерзанные останки коровы. Мясо свисало окровавленными лохмотьями, обглоданное с какой-то первобытной яростью.

Пастух начал медленно отступать, громко хлопая в ладоши и крича в пустоту.

Позади раздался сухой, короткий хруст — ломающейся кости. Он обернулся, срывая с головы кепку в паническом жесте. Лицо мгновенно побелело.

Оно стояло в густой тени — гуманоидный силуэт, бесконечно далекий от человеческого. Абсолютно черное тело, словно сотканное из самой плотной тьмы. Кожа напоминала обугленный труп, затронутый разложением: склизкая, влажная чернота скрывала анатомические детали. От существа веяло могильным холодом.

Тварь сделала плавный, беззвучный шаг вперед.

На дальнем лугу коровы продолжали жевать траву. Они лишь на мгновение подняли головы, когда из леса донесся короткий, захлебывающийся крик, и тут же вернулись к корму. Только лошадь рванулась с такой силой, что узел лопнул, и унеслась прочь.

В то время как в паре километров от отеля лесная тень обрывала жизнь случайного свидетеля, в самом комплексе вечер только набирал обороты.

Вестибюль гудел. Оглушительные басы дискотеки выбивали из голов первокурсников любые мысли. Хаотичное движение подростков, тяжелый воздух, пропитанный алкоголем и парфюмом, неоновые блики — всё слилось в единый беснующийся организм.

Агата пробиралась сквозь толпу. Она то и дело косилась в телефон, где светилось сообщение от Артура: «Жду у лестничной площадки;»». Она не замечала пристальных взглядов кураторов Марии и Леи, которые провожали её тяжелыми взорами. Стоявшие неподалеку Саул и Давид тоже обернулись ей вслед. Но Агата стремилась к повороту лестницы, где её уже ждал Артур.

— Выглядишь потрясающе, — произнес он, едва скрывая скуку.

— Я оделась обычно, — Агата рассмеялась с той наигранной скромностью, которая выдает неуверенность.

Они спустились в танцевальный зал. Колонки заставляли вибрировать грудные клетки. Толпа двигалась в едином ритме.

— Подожди здесь, я скоро вернусь, — Артур скрылся в направлении барной стойки.

К Агате немедленно протиснулась Ясмин.

— Мой совет насчет пистолета все еще в силе! — крикнула она, перекрывая музыку.

— Точно! Я забыла.

— Для этого у тебя есть я, — самоуверенно отчеканила Ясмин.

В этот момент к ним подошел Майк. Его лицо было бледным, в глазах застыла необъяснимая тревога.

— Слышал, тебя заселили с Евой? — спросил он.

Агата лишь раздраженно закатила глаза.

Вернулся Артур с двумя стаканами коктейлей. Ясмин заметила его первой и наклонилась к подруге:

— Не оборачивайся. За тобой наблюдает маньяк.

— Плохо видно, нужно рассмотреть поближе, — кокетливо отозвалась Агата.

В стороне от танцпола у стены стоял Степа. Он лениво оглядывал зал, пока не перехватил улыбку Бэллы. Юноша уже намеревался сделать шаг в её сторону, когда в кармане зазвонил телефон. На экране высветилось: «Мама».

— Да, мам... Всё прекрасно, прости, что сразу не перезвонил, — Степа поморщился от взрыва низких частот. — Плохо слышно, сейчас выйду. Не вешай трубку.

Он направился к запасному выходу. Тяжелая дверь отсекала основную часть шума, но гул все еще вибрировал в спине. Чтобы избавиться от помех, Степа свернул за угол здания и вышел на темный задний двор, граничащий с лесом.

— Да, мам, заселились нормально. Моя комната на первом этаже. Всех парней разместили на нижних ярусах. Народу полно. Вода в источниках сильно газированная — туристы пробуют...

Степа усмехнулся, но внезапно осекся. Из темноты леса донесся тяжелый хруст. Будто кто-то массивный наступил на сухой валежник. Через секунду звук повторился — ближе.

— Мам, подожди, я перезвоню.

Он убрал телефон. Вместо того чтобы вернуться в освещенный холл, перешагнул через низкую ограду и ступил под кроны деревьев. Решил, что кто-то из первокурсников уединился в темноте.

— Эй, народ! — крикнул он. — В лес ночью ходить запрещено. Возвращайтесь! Хватит дурью маяться!

Он замер. Впереди всё стихло. Но в ту же секунду прямо у него за спиной кто-то медленно, грузно поднялся с колен. Степа ощутил это затылком: тяжелое, неритмичное дыхание и резкий, удушливый запах гниения, от которого во рту пересохло.

Он начал медленно оборачиваться.

Человеческая жизнь исчезает с пугающей легкостью. Вот человек шутит, держит стакан, жалуется на мелочи — и кажется вечным. А через мгновение его нет.

В двухстах метрах от танцующей толпы раздался короткий хруст позвонков. В кармане брошенной куртки продолжал вибрировать телефон — мать на другом конце города всё еще ждала звонка.

Громкость в зале выкрутили на максимум. Началось караоке. Слушать, как фальшивящие подростки уничтожают эстрадные хиты, становилось невыносимо. Артур, судя по выражению лица, разделял это чувство.

— Я больше не выдержу этот кошмар. И тебе не советую. Пойдем на задний двор, там тише, — предложил он.

Ясмин, наблюдавшая за ними, подозрительно прищурилась:

— И давно вы стали так близки?

Агата смутилась, но Артур уже тянул её к выходу. Ясмин проводила их взглядом хищника, заметившего легкую добычу, и подхватила Майку.

— Отличная идея, Артур. Там как раз никто не помешает вашему уединению, — бросила она им в спину.

Ночной воздух после душного зала казался ледяным. Четверка студентов обогнула здание, уходя в неосвещенную зону, где лучи фонарей едва достигали кромки леса.

— Я знаю все твои прошлые интрижки! — почти кричала Ямин. — Держись от нее подальше, ясно? Я всё... Ой!

Раздался глухой звук падения и короткий вскрик. Ямин судорожно отползла назад. Она споткнулась не о корень. Между мощными переплетениями сосновых корней лежало неестественно вывернутое тело.

В ту же секунду Майка скрутило. Он ухватился за ствол, дыхание стало прерывистым, глаза закатились, обнажая белки. Это не был припадок — сработал ментальный резонанс, чужая боль, передававшаяся по невидимым каналам.

— Мне больно! — закричал Майк, падая на колени и сдавливая горло.

Агата бросилась к человеку на земле. В груди разорванной одежды и запекшейся крови она узнала Степу.

— Кто это сделал?! Степа! — она трясла его за плечи.

— Они... — выдохнул он и затих.

Майк мгновенно обмяк. Боль отпустила его так же внезапно.

— Он мертв? — Агата подняла полные слез глаза.

— Нужно вызывать полицию и скорую! — Ямин вскочила, готовая бежать.

Артур среагировал мгновенно. Он перехватил её, грубо зажимая рот.

— Стой! Никому не говори! Полиция повесит это на нас!

В сознании Агаты отчетливо прозвучал чужой, холодный женский голос: «Артур прав». Она отпрянула от трупа, оглядываясь, но остальные ничего не слышали.

— Слушайте меня, — затараторил Артур. — Мы оттащим его глубже в чащу и оставим там. Когда найдут, спишут на зверя. Нам нужно сделать вид, что мы не видели Степу после дискотеки.

— А утренняя перекличка? Он же председатель! — прошептала Ямин.

— Его вещами я разберусь сам. Беритесь!

Они подчинились. Артур за плечи, Агата за ноги. Они поволокли тело в лес, спотыкаясь о корни и пачкая руки в крови. Артур нашел промоину под корневищем старой сосны.

— Сюда.

С лихорадочным остервенением они закидали яму ветками, листвой и землей. Их прежняя жизнь закончилась.

Обратный путь казался бесконечным. Четверка шла быстро, почти бежала. Артур постоянно оглядывался.

— Тебе надо переодеться, — бросил он Агате. — Всем нам, но тебе в первую очередь. Давай так...

Он шагнул к ней и попытался расправить полы куртки. Агата дернулась.

— Не трогай! — Она вырвала ткань из его пальцев и зашагала к корпусу.

На заднем дворе музыка стихла.

— Дискотека закончилась минут пятнадцать назад, — заметил Артур.

— Нельзя, чтобы нас увидели в таком виде, — прошептала Ямин.

— Можно залезть через окно... — начал Майк.

— А как мы поднимемся на четвертый?

Договорить она не успела. Прямо перед ними, словно из ночного тумана, возникла Ева.

— Какой примечательный видок... — протянула она.

— Где вы были? Это кровь? — Ева шагнула вперед.

— Оленей ловили, — огрызнулась Ямин.

— Тебя, видимо, в детстве часто роняли.

Ева смотрела на Артура. Тот подошел и взял её за руки.

— Послушай, нам нужна твоя помощь. Дай Агате свою куртку. Нельзя, чтобы её увидели в таком виде. Я всё объясню позже.

Ева молча сняла куртку и набросила на плечи Агате.

— Идите.

В номере Ева села на кровать, наблюдая, как Агата открывает окно и сбрасывает испачканную кофту вниз, где её уже ждала Ясмин.

— Прямо сотрудники спецслужб, — усмехнулась Ева. — Скажи честно, что случилось. Я помогу.

— Я сорвалась в заросли, ребята помогли выбраться.

— Кровавые заросли. Ты не умеешь врать.

Агата задвинула сумку под кровать и легла спиной к соседке.

— Молчишь? — Ева выключила свет. — Долго молчать не получится.

Трудно сказать, что двигало Евой. Искреннее сострадание? Возможно. Но в этом мире ни один жест не бесплатен. Она получила рычаг над Агатой — тайну, которая будет жечь изнутри. И Ева окажется рядом, чтобы собрать осколки.

Утро наступило серым и холодным. Парковка отеля пропахла дизелем и страхом. Студенты выползли из корпусов помятые. Четверка героев выглядела инородными телами.

Артур сжимал ручку чемодана. Агата сидела на ледяной ступени, судорожно сжимая бутылку. Ясмин и Майк стояли поодаль, обмениваясь короткими взглядами.

Ева и Бэлла уехали раньше. Умная Ева знала, когда лучше исчезнуть.

Кураторы Мария и Лея переругивались у автобуса.

— Да уехали они в город бухать, — махнула рукой Лея.

— Предупредить надо.

Когда началась перекличка, Артур шагнул вперед.

— Маш, прости, не предупредили. Степана вчера поздно мать забрала. Что-то срочное.

— Он тебе сказал? — прищурилась Лея.

— Да, отписался, что доехал.

Версия сработала. Другой преподаватель подтвердил, что видел Степу вечером. Автобусы тронулись.

В салоне стоял гвалт, но на последних рядах было тихо.

— Мы из-за твоей трусости стали соучастниками преступления! — прошипела Ясмин.

— Тише, — оборвал Артур.

— Кто это сделал? — спросила Агата.

— Животные. Лес, голодный сезон. Напоролся на хищника.

— Я чувствовал его эмоции, — сказал Майк. — Это не был зверь. Животные не источают ментальной ненависти.

— Зачем ты солгал про мать? — Агата посмотрела на Артура. — Теперь, когда тело найдут, возникнут вопросы.

— Я испугался! Полиция нас заперла бы!

— Хватит, — оборвала их Агата. — Легенда неизменна: его забрали родственники. Где он наткнулся на хищника — не наше дело. Мы ничего не знали. Артур, твои показания: он зашел в номер, забрал документы и уехал. Всё.

Артур усмехнулся:

— А ты убедительна.

— У лжи есть последствия, — добавила Агата. — Все поняли?

— Поняли.

Остаток пути они проехали молча.

Тяжелые автобусы затормозили у ворот университета. Над площадью повисла гнетущая тишина.

Телефоны разрывались от уведомлений. Фотографии тела Степы разлетались по чатам. Кто-то вскрикнул, кто-то закрыл рот рукой.

Последними из автобуса вышли Агата, Артур, Майк и Ясмин — четверо, которые несколько часов назад закапывали эти останки в лесу.

Их уже ждали: глава следкома Марина, следователь Аида Хабарова и помощница ректора. Рядом замерла Ева с холодной улыбкой.

Фигура Аиды Хабаровой приковывала внимание. Высокая, статная, с гривой густых темных волос. На вид двадцать пять, но в зелёных глазах не было и капли юношеского задора — только тяжелый, пронизывающий взгляд.

— Ребята, нам нужно поговорить, — сказала она.

— Здравствуйте. А в чем дело? — Ясмин мгновенно включила защиту.

— Обсудим в участке. У вас будет время связаться с адвокатом, — отрезала Марина.

Артур вжался в Агату:

— Они узнали? Что будет?

— Я не знаю.

Ева мимоходом улыбнулась Бэлле и кивнула следователю:

— Аида Тимуровна, я могу быть свободна? Водитель ждет.

— Стоять. Ты тоже едешь с нами.

Лицо Евы исказилось от ярости, но она промолчала.

Часом позже, в следственном комитете стажер Захар выскочил из машины, едва не поскользнувшись на ходу. Он летел по коридорам с металлическим кейсом.

Ворвавшись в кабинет старшего следователя, он застал там Марину.

— Захар, зайдите позже, — устало бросила она.

— Марина Александровна! У подростков алиби! Записи с камер отеля! Они пошли в лес после времени смерти Степана! Они не могли его убить!

Марина взяла диск, отошла к стеллажу и аккуратно положила его на полку.

Её рука медленно поднялась до уровня груди. Вокруг пальцев сплелись полупрозрачные нити. Резкий взмах — и воздушный клинок перерезал горло Захара.

Стажер рухнул на пол, захлебываясь кровью. В его очках отразилось равнодушное лицо следователя.

Это была Альяра. Отрекшаяся из Ветви Воздуха, которая восемнадцать лет назад устроила резню в Зале Совета. Ей нужно было, чтобы алиби сгорело. Вина четверки должна остаться единственной версией.

Время не властно над Сущими. Альяра выглядела на двадцать семь тогда и выглядит так же сейчас. Лишь волосы стали длиннее.

Она развернулась и направилась в допросную, где за столом сидели Аида, оперативники и бледный Артур.

— Ну что же... Начнем.

ГЛАВА 6

Заветы Адэра

Воспоминание о том дне до сих пор заставляет кровь стынуть в жилах тех немногих, кто уцелел в последующей буре.

Шесть тронов стихий застыли полукругом, уступая главенство Престолу Нартов — монолиту из белого камня с вкраплениями метеоритного железа. Каждый трон дышал своей стихией: вода, огонь, земля, воздух, свет, разум.

Аркесу едва исполнилось двадцать. Бледный, с иссиня-черными волосами и тяжелым взглядом — он казался изваянием, высеченным из горного хрусталя. Белая черкеска подчеркивала статус государя, чьи реформы вот-вот столкнутся с вековой элитой этого зала. Он ждал.

Сухой стук шагов разрезал тишину. Суппирон — темный, смуглый, с густой копной кудрей — встал по правую руку от Престола. Единственный, кто смел смотреть на Аркеса без страха.

Правитель кивнул. Суппирон развернулся к залу, обрушив жезл на мрамор: — Престол велит начать доклад о юго-восточных рубежах.

Восседающие от Огня и Света обменялись тревожными взглядами. Аркес заметил это. В ту же секунду двери распахнулись — в зал влетел Верховный командующий, бледный, с дергаными движениями. — Мой Престол! Генерал Хаттусили отказывается исполнять ваш приказ. — Он вытряхнул обрывки пергамента на пол. — Вот его «ответ».

Зал взорвался ропотом. Хаттусили — живая легенда — бросил вызов короне. Суппирон сжал жезл, бросил взгляд на Аркеса, ожидая вспышки гнева. Но Аркес сидел неподвижно, лишь глаза стали холоднее.

Суппирон снова ударил жезлом: — Престол требует объяснений! Дерзость на границе и ваше молчание здесь не сулят вам ничего хорошего. Смотрите, как бы это промедление не обернулось для вас Оскоплением.

Командующий сглотнул: — Ваш отец начинал эту войну, чтобы сломать Парфию. Но он умер. А теперь вы велите Хаттусили остановить легионы в шаге от победы, упрашивать чужаков о мире... Для него это немыслимо.

Суппирон шагнул вперед: — Вы смеее обсуждать указы государя, чья кровь восходит к самому Адэру? Ваша роль — подчиняться.

Тишину разрезал шуршащий звук ткани. С трона поднялся Бараз — коренастый, со шрамом через все лицо. Шрам, который он не залечил намеренно — как напоминание о цене войны. — Прошу прощения, — он обратился к Аркесу, игнорируя Суппирона. — Я попытаюсь объяснить, почему дисциплина на юге разбилась вдребезги.

Аркес поднял ладонь, останавливая советника. — Я слушаю тебя, Бараз.

Бараз вышел в центр зала. — Хаттусили — величайший полководец нашего времени. Он вырывал победу зубами у превосходящих сил. И теперь, в шаге от триумфа, вы приказываете ему остановиться и просить мира. Это вопрос чести, мой Престол. Он выдержал паузу. — Я не оправдываю его поступок. Но не спешите с реформами. Парфия не хочет мира. Они спят и видят, как уничтожить нас. Наш враг понимает только силу. Заветы Адэра священны, но не сейчас.

Аркес медленно поднялся. Восседающие, подчиняясь древнему инстинкту, встали со своих тронов.

Он спустился в центр, остановившись в шаге от Бараза. — Ты сам сказал, Бараз: Парфия воюет на три фронта. Для них мир на четвертом — спасение, а не победа. Мы не будем упрашивать. Мы продиктуем условия. Он обвел взглядом Совет: — Адэр завещал нам быть покровителями людей, а не палачами. То, что происходит на юге под видом «защиты границ», — это насилие. Мы не убиваем тех, кого обязаны беречь. Эпоха бесконечных войн кончается.

Бараз открыл рот, но Аркес продолжил: — Хаттусили — герой. Но герои часто ослеплены славой. Я приказываю: немедленная перегруппировка сил на юге. Заморозить фронт.

Бараз замер. Оспорить перегруппировку значило признать, что армия истощена. Факт, который он не мог отрицать.

— Суппирон, — Аркес обернулся к брату. — Ультиматум для Митридата. Фиксация границ в обмен на торговые пути. Пусть выбирают: гибель в горах или золото.

Зал загудел — уже не возмущенно, а растерянно. Перед ними был не идеалист, а расчетливый правитель. Бараз тяжело вздохнул и склонил голову. — Да будет так.

— Совет окончен.

Восседающие потянулись к выходу, шепчась. За ними закрылись двери.

В центре зала остались трое: Аркес, Суппирон и Бараз, не спешивший уходить.

Бараз мазнул взглядом по советнику. Коротко дернул подбородком — «выйди». — Что вы себе позволяете? — голос Суппилона дрогнул от ярости. — Перед вами советник Престола! — Оставьте нас, — тихо сказал Аркес. Суппирон замер, поклонился и вышел, бросив на Бараза убийственный взгляд.

Бараз подошел ближе. Заговорил не как подчиненный — как наставник. — Ты можешь спрятать меч, но не снимай его с пояса. Если Парфия увидит, что ты не готов убивать, она придет убивать тебя. Милосердие — роскошь для тех, чью ярость бояться до дрожи. — Хаттусили не простит тебе этого мира. Ты лишил его смысла жизни. Смотри на тех, кто возвращается с фронта без триумфа. Их ярость найдет выход здесь, в столице. Сталь, которая не рубит врага, рано или поздно ищет горло хозяина.

Он положил руку на эфес меча: — Ты правишь как бог из сказок матери. Красиво, благородно, чисто. Но помни: даже Адэр исчез, когда его существа перестали его бояться. Власть — это не только мудрость, это страх. Не дай им забыть, чей герб они носят.

Он развернулся и вышел. Эхо его шагов долго дробило тишину.

Аркес остался один. На миг его уверенность дала трещину. Он посмотрел на пустые троны, и в его взгляде мелькнул холодный расчет человека, осознавшего цену выбора.

Взирая на него сквозь плотную пелену ушедших веков, невозможно избавиться от горечи, которую не способно унять время. К несчастью, история сохранила финал этого грандиозного замысла. Известно, что холодная сталь заговорщиков в итоге оказалась быстрее государственной мудрости, а человеческая верность — куда хрупче личных амбиций.

Это было официальное начало конца великой Эпохи Сказаний.

ГЛАВА 7

Свидетели и Сказочники

Люди не меняются. Они всё так же лгут и ищут козлов отпущения. Только теперь декорации иные: вместо мраморных чертогов — прокуренные коридоры следственного отдела.

В кабинете для допросов стойко пахло казенным хлорным антисептиком и тяжелыми предчувствиями. Старший следователь Аида Хабарова с глухим стуком положила на стол пухлую папку с таким видом, словно внутри находился как минимум подробный сценарий грядущего конца света. Напротив нее судорожно вжималась в жесткий стул Ясмин. Студентка выглядела так, будто прямо сейчас либо потеряет сознание, либо телепортируется в другую галактику — лишь бы не отвечать на прямые вопросы. Ее испуганные глаза метались по комнате, методично пересчитывая трещины на пожелтевшей штукатурке.

Аида только набрала в легкие воздуха, намереваясь начать свою классическую партию «доброго полицейского», как дверь с грохотом распахнулась. В кабинет буквально вплыла Марина — начальница отдела. Она бесшумно опустилась на стул рядом с Аидой с таким выражением лица, словно пришла не на рядовой допрос подозреваемых, а на финал мистического телешоу, и уже заранее знала, кто именно здесь лжет.

— Расскажи мне всё, что видела в тот вечер, — мягко начала Аида, стараясь не спугнуть окончательно зажавшуюся Ясмин. — Тебя здесь никто не судит.

— Ужасный, беспрецедентный инцидент, — не удержалась от реплики Марина, сужая глаза.

Ясмин судорожно, со свистом вздохнула. Аида бросила на начальницу короткий взгляд, в котором отчетливо читалось: «Еще одно слово, и я сама оформлю явку с повинной».

А дальше в этих стенах развернулось то, что опытные следователи называют фестивалем альтернативной памяти. Обычное явление среди молодежи: одно трагическое событие, пять кардинально отличающихся версий и ни одной полностью правдивой.

Майк говорил с видом невинного мученика:

— Мы вышли из гостиницы на костер. Ну, знаете, эта обычная студенческая забава — стоять толпой у огромной кучи горящих палок. Я, Ясмин, Агата и Артур. Евы с нами абсолютно точно не было.

Агата, нервно теребя обтрепанный рукав кофты, озвучила иное:

— Мы гуляли с Артуром. Вдвоем. Ну, в том плане... Майк и Ясмин плелись где-то там, далеко позади. Мы просто периодически уходили далеко вперед. Любовь, романтика, шум, всё такое... вы же понимаете?

Артур высказался с таким абсолютным пофигизмом, словно обсуждал цену на хлеб в лавке:

— Вдвоем мы шли. Майк и Ясмин приплелись к нам значительно позже. Ага.

Аида методично, с нажимом скрипела шариковой ручкой. Если бы этот прибор фиксировал общий уровень вранья в комнате, бумажный блокнот следователя давно бы самовоспламенился.

Самое примечательное началось, когда допрос коснулся непосредственно черты леса.

— Мы шли исключительно рядом с лесом, — лепетала Ясмин, не отрывая взгляда от деревянной столешницы.

— Мы шли прямо внутри леса, — неожиданно поправил официальную версию Майк, на мгновение словно выпав из реальности. Тяжелые флешбэки — штука крайне неприятная. — И там... в густых кустах...

— Кровь. Свежие пятна крови. Очень много, — Агата уже не пыталась скрыть крупную дрожь в голосе. — У нас у всех в ту секунду просто поехала крыша от страха.

— Мы сразу поняли, что это Стёпа, — Ясмин начала мелко трястись всем телом. — Его слишком долго не было на общей дискотеке.

И тут на авансцену вышел Артур со своей неподражаемой харизмой патологоанатома-любителя:

— Ну, там обнаружилась его одежда и он сам. Не совсем «в целом» виде, конечно, но узнать парня было можно.

На прямой вопрос Аиды о том, трогали ли они руками труп, версии подозреваемых разлетелись в разные стороны, словно искры от того самого злополучного костра.

Ясмин лепетала:

— Мы хотели его скрыть! Но передумали в последний момент и просто убежали. Ну а что нам оставалось делать в такой ситуации?!

Артур ответил с издевательской, холодной усмешкой:

— Мы его спрятали. Девчонки начали дико истерить, и мы с Майком решили от греха подальше убрать тело. А то вы же, менты, сразу на нас всё подумаете, да? Вы же не думаете всерьез, что это сделали мы?

Артур явно напрашивался на личный досмотр с особым пристрастием, но Аиду в данный момент гораздо больше интересовала фигура Евы. Эта студентка появилась у леса слишком вовремя, словно черт из табакерки.

— Подозрительная она какая-то, — резюмировал Артур. — Стояла у самого отеля и смотрела на нас так... будто абсолютно всё про нас знает.

Сама Ева сидела перед следователями, демонстрируя олимпийское спокойствие.

— Я находилась в своем номере, ко мне на пару минут заходила подруга. Потом я направилась в магазин и увидела их. Всех четверых. Они выходили из леса напротив. Странно, что они ошивались там, а не на дискотеке. Выглядели дико взволнованными, изо всех сил пытались играть в «нормальных людей». Хреново получалось, если честно.

Когда Марина, не выдержав этой тягостной дипломатии, спросила в лоб, могли ли одногруппники убрать Стёпу, Ева выдала юридическую базу:

— Я отказываюсь отвечать на данный вопрос без присутствия моего адвоката.

Марина лишь разочарованно хмыкнула. Ева оказалась единственной в этой компании, кто, судя по всему, удосужился прочесть уголовный кодекс.

Завершала этот цирк Агата, которую окончательно накрыло эмоциями на самой финишной прямой.

— Мы сказали Еве, что просто идем с костра. И всё! — она почти кричала, срываясь на фальцет. — Стёпа был классным парнем! Он лично всё это организовал! Зачем нам было его убивать? Мы восемнадцатилетние дети, у нас огромные планы на жизнь!

— Вас никто официально не обвиняет, — в десятый раз монотонно повторила Аида.

— Однако вы — единственные, кто безцельно терся в том лесу рядом с трупом, — ласково добавила Марина.

— Да проверьте вы наконец камеры, отпечатки пальцев! — Агата сорвалась на истерику. — В ваших головах мы уже все сидим в крови по локоть!

Аида с глухим стуком закрыла блокнот. Звук получился таким же окончательным и тяжелым, как падение топора палача.

— Думаю, на этом допрос можно закончить.

— Уверена? — Марина скептически подняла бровь.

— Более чем.

Аида прекрасно понимала: подлинной правды в этом кабинете сегодня не прозвучало. Были лишь животный страх, бездарная актерская игра и смутное ощущение чего-то очень древнего и опасного, пришедшего вслед за студентами из того самого леса. Самое забавное в этой ситуации заключалось даже не в том, что четверо друзей умудрились запутаться в трех

соснах и одном мертвом теле, а в том, с какой поразительной скоростью пресловутые «узы студенческого братства» превращаются в циничное соревнование на тему «кто первым измажет грязью соседа». Восемнадцатилетние интеллектуалы, элита престижного университета, будущие лидеры мнений — стоило одному труп обнаружиться в кустах, как Артур принялся упражняться в черном цинизме, Ясмин принялась косплеить фонтан слез, а Майк начал ловить галлюцинации прямо на официальном допросе. Коллективный разум этой компании испарился значительно быстрее, чем алкоголь на их сорванной тусовке.

Они так отчаянно цеплялись за свои «планы на жизнь» и «желание реализоваться», словно чистая зачетка являлась магическим оберегом от уголовного преследования. Однако страх — это самый честный детектор лжи, и сегодня он наглядно продемонстрировал, что их хваленая дружба стоит ровно столько, сколько требуется времени, чтобы добежать от опушки до дверей отеля.

Аида искусно играла в «старшую сестру», старательно делая вид, что ей не плевать на их потенциально сломанные судьбы, пока Марина хладнокровно искала слабое звено. Начальнице отдела не нужны были слезы, ей требовался один конкретный человек, который сломается первым и ткнет пальцем в остальных. В гнетущей тишине между вопросами отчетливо слышалось, как каждый из подозреваемых в глубине души уже полностью оправдал себя и переложил вину на товарища. Ответственность, разделенная на четверых, казалась им неопасной, но математика следствия работает иначе.

Коридор следственного отдела встретил их привычным раздражающим гулом люминесцентных ламп и стойким запахом вчерашнего дешевого кофе. Аида вылетела из кабинета первой, словно ей физически не хватало кислорода в одном замкнутом пространстве с этой четверкой. Каблуки следователя чеканили по линолеуму нервный, рваный ритм, но грузная Марина настигла её всего за два широких шага.

— Задерживаем? — голос начальницы прозвучал обыденно, словно речь шла о заказе обеда в офис.

Аида резко затормозила и обернулась к Марине с таким выражением лица, будто ей предложили немедленно арестовать фикус в фойе управления.

— Марина Вячеславовна, вы это серьезно?

Начальница чуть склонила голову, и её жесткий взгляд на мгновение потеплел той самой опасной «материнской» мягкостью, за которой обычно следует приказ хладнокровно раздавить чью-то жизнь.

— Солнце, посмотри на объективные факты, — мягко проговорила она. — На данный момент они — наши единственные подозреваемые. Больше в том конкретном квадрате леса никого постороннего не зафиксировано.

— Марина Вячеславовна, у нас нет буквально ничего, — Аида выделила последнее слово, четко чеканя каждый слог. — Ни орудия убийства, ни внятного мотива, ни прямых улик. А во-вторых... ну посмотрите на них внимательно. Они же зеленые совсем. Перепуганные дети, которые пересмотрели криминальных триллеров и решили, что спрятать тело — это отличный студенческий квест. Нам нужно всё заново перетрясти, зацепиться хоть за что-то реальное. Подписка о невыезде — это максимум, который я подпишу им сегодня.

Аида развернулась и возобновила свой стремительный марш по коридору, не дожидаясь высочайшего одобрения. Марина осталась стоять на месте, задумчиво глядя в спину своей лучшей ищейке.

— Аида! — бросила она вдогонку, и в ее тоне снова отчетливо прорезался привычный металл. — Будь наконец рациональнее. Оставь свои неуместные эмоции для журналистов.

— Я всегда была рациональной, — негромко бросила Аида скорее себе под нос, чем удаляющейся начальнице.

Рациональность подсказывала: в этой истории есть второе дно.

Холл встретил Агату тишиной — громче любого крика. Студенты шарахались от неё, как от чумы. У стены висел свежий плакат с улыбающимся лицом Стёпы и чёрной траурной лентой. Агата смотрела на него, и её лицо, ещё секунду назад напряжённое, обмякло, стало постаревшим. Весь их «удачный» выезд уместился теперь в одну чёрную полосу.

— Ну вы и влипли, конечно, ребятки, — раздался прямо над ухом тихий голос Тимура.

Агата вздрогнула, возвращаясь в реальность. Она открыла было рот, чтобы выдать какую-нибудь резкую отповедь в своем привычном стиле, но Тимур уже развернулся и быстро ушел, даже не дождавшись ответа. Зачем тратить время на оправдания ходячей проблемы?

Ева видела своих одноклассников издали. Она целенаправленно шла к ним, стараясь сохранять ту самую походку уверенной в себе девушки, у которой абсолютно всё находится под контролем. В конце концов, она — всего лишь свидетель, сделавший «правильный» и законный выбор.

— Привет, — небрежно бросила она, подходя к компании.

Ответом ей послужила глухая стена. Друзья подчеркнуто молчали, и в их глазах Ева без труда прочитала суровый приговор, который вынесли ей без всякого официального суда.

— Привет, — подчеркнуто холодно отозвалась Анжела, её бывшая лучшая подруга. — Ну и как прошел допрос?

Ева высоко вскинула бровь, отчаянно пытаясь сохранить лицо, хотя внутри всё сжалось, будто её внезапно окатили ледяной водой.

— Нормально, — сухо отрезала она. — Мы что, реально собираемся обсуждать следственные действия прямо здесь, в коридоре?

— А это, по-твоему, not a big deal? — Алекс саркастично выгнул брови. — Наш председатель мертв, а вы четверых бегаєте по ночным лесам как персонажи дешевого слэшера.

— Со всем этим сейчас детально разбираются, окей? — Ева физически чувствовала, как под ногами разверзается бездна социальной изоляции. — Давайте просто сменим тему. Вы куда направляетесь?

— Мы шли в «Vibes», — буркнул Алекс, кивая в сторону дорогого кафе на первом этаже.

— Отлично, — Ева выдохнула с видимым облегчением, уже готовая пристроиться рядом. — Я пойду с вами.

— Мы идем вдвоем, — жестко отчеканила Анжела.

Слово повисло в воздухе, как лезвие гильотины. Без нее. Социальная изоляция — это ведь тоже своего рода смертная казнь, только без лишней пролитой крови. Ева не поддала виду. Она лишь сильнее выпрямила спину, сохраняя маску абсолютного безразличия, хотя где-то глубоко внутри неё что-то с тихим хрустом сломалось.

— Отлично, — ровным тоном повторила она.

— Поговорим когда-нибудь потом, — бросила Анжела через плечо, и ребята быстро скрылись за поворотом коридора.

Ева осталась одна. На её лице, обычно непроницаемом, на мгновение проступило напряжение — и тут же исчезло, сменившись привычной маской.

В лекционной аудитории пахло пылью и старыми учебниками. Майк бесшумно скользнул за парту к Ясмин. Та сидела неподвижно, уставившись в одну точку на стене.

— Ты как себя чувствуешь? — негромко спросил Майк, нарушая ее оцепенение.

Ясмин медленно моргнула, с трудом возвращаясь из своих запутанных внутренних лабиринтов в серую реальность бетонных стен.

— Нормально, — на автомате выдохнула она, но тут же поправились: — То есть... не очень. Совсем не очень, Майк.

Майк понимающе кивнул. Он прекрасно видел, как её буквально трясет изнутри, и резонно решил, что лучшая терапия сейчас — это терапевтическая доза скучной повседневности.

— Слушай, а ты домашку по матану сделала?

Ясмин посмотрела на него с таким выражением, словно парень внезапно заговорил на древнем, давно исчезнувшем языке.

— Ты это сейчас серьезно? — в её голосе отчетливо прорезались первые истеричные нотки. — Майк, ты издеваешься надо мной? Какая, к черту, домашка? У нас труп в анамнезе и следователи на хвосте, а ты спрашиваешь про дурацкие упражнения из учебника?

— Я просто пытаюсь отвлечься, — Майк пожал плечами, изо всех сил стараясь выглядеть спокойнее, чем был на самом деле. — И тебя пытаюсь вытащить из этой ямы. Давай, возвращайся к нам.

Ясмин долго молчала, глядя на девственно пустую тетрадь перед собой. Вспышка гнева быстро уступила место привычной апатии.

— Нет, — тихо призналась она. — Я не сделала домашку. Я сегодня даже карандаш в руки взять физически не могла.

— Возьмешь мою тетрадь, перепишешь, — Майк решительно пододвинул к ней свои записи. — Я её еще на прошлой неделе накатал, когда жизнь казалась значительно проще.

Ясмин уже протянула руку к тетради, как вдруг её взгляд намертво зацепился за девичью фигуру в дверях аудитории. На Майка, не отрываясь, в упор пялилась какая-то первокурсница — кажется, Лаура.

— Опа, — Ясмин чуть заметно усмехнулась, и в её глазах впервые за всё это страшное утро блеснула жизнь. — Слушай, Майк. А это там случайно не та самая девочка?

— Чего? — Майк нахмурился. — Какая еще девочка?

— Ну которая за тобой хвостиком бегаёт... — Ясмин заговорщицки подтолкнула его локтем. — Вон она стоит в проеме, глаз с тебя не сводит.

— Да ну тебя! Никто за мной не бегаёт, — Майк мельком глянул на дверь и тут же густо покраснел, трусливо переводя взгляд к потолку. Девочка в дверях, заметив, что её обнаружили, ничуть не смутилась. Напротив — она расплылась в широкой улыбке и принялась активно махать Майку рукой, будто они находились на заполненном стадионе. Майк буквально вжался в стул, мечтая слиться с цветом парты.

— Да ты чего, помаши ей в ответ! — зашептала Ясмин, окончательно переключаясь в режим подстрекателя. — Помаши же, герой-любовник!

Она не выдержала и сама начала энергично махать незнакомке. Девочка весело рассмеялась, кивнула им обоим и скрылась в коридоре.

— Ну вот что это сейчас было, а? — Майк обреченно уронил голову на сложенные руки.

— Сама не знаю, — Ясмин впервые искренне, в голос рассмеялась. — Но я хотя бы поржала. Спасибо, Майк. Реально полегчало.

Майк поднял голову и внимательно посмотрел на лицо подруги.

— Ты, кстати, сегодня совершенно иначе выглядишь. Что-то в тебе изменилось.

Ясмин оправила свою простую серую кофту и поправила волосы. Весь её текущий вид теперь словно кричал окружающим: «Я самый обычный, серый человек, здесь абсолютно не на что смотреть».

— Да, решила сознательно сбавить пыл, — она кивнула в сторону траурного плаката со Стёпой, висевшего в коридоре. — Одеться более... нормисно, что ли. Траур как-никак. Нужно строго соответствовать атмосфере всеобщего уныния, чтобы лишний раз не выделяться из толпы.

Коридор, ведущий к студенческой столовой, в обеденный перерыв обычно напоминает бурлящий муравейник, но сегодня он казался вымершим и пугающе гулким. Агата шла по

нему, мертвой хваткой вцепившись в тетрадь так, словно внутри были зашифрованы точные координаты спасения от реального тюремного срока. На полпути дорогу ей бесцеремонно преградил Артур. Он возник перед ней с той самой невозмутимой миной, которая обычно бывает у людей, чьё понятие о морали давно деформировано.

— Привет, красотка, — небрежно бросил он, даже не пытаясь понизить голос.

— Привет, — буркнула Агата, не замедляя своего шага.

Артур послушно пристроился рядом, заглядывая ей в лицо с почти искренним недоумением.

— Чего ты такая поникшая?

Агата резко остановилась и одарила парня взглядом, в котором едкий сарказм смешивался с чистым отчаянием:

— Ой, даже не знаю, Артур. Дай мне секунду подумать. Наверное, сегодняшняя погода за окном немного не та.

— Не, я реально не догоняю твоих загонов, — он простодушно пожал плечами.

— Ты что, вообще не помнишь, что произошло вчера? — она мгновенно перешла на свистящий, яростный шепот. — Стёпа. Лес. Следственный отдел. Полицейские, которые смотрят на нас как на будущих обитателей исправительной колонии. Ничего в твоей голове не припоминается?

— А-а, это... — Артур легкомысленно отмахнулся, словно речь шла о слегка неудавшейся вечеринке. — Ну, нас просто допросили по протоколу. Обычная юридическая процедура, не более.

— Артур, живого человека убили! — Агата сорвалась, её голос предательски дрогнул и осел. — Нас фактически задерживали. Мы — последние, кто видел его живым. А если это всё в итоге повесят на нас? Ты своей головой понимаешь, что следственной системе гораздо проще закрыть резонансное дело, назначив виноватыми четверых глупых студентов, чем искать реального лесного психа?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.